

Daphne
DU MAURIER
1907–1989

Дафна
ДЮМОРЬЕ

Полет Сокола

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 96

Daphne du Maurier
THE FLIGHT OF THE FALCON
Copyright © Daphne du Maurier, 1965
All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского Николая Тихонова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

© Н. Тихонов (наследник), перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-15008-9

Глава 1

Мы прибыли вовремя. Руководство «Саншайн Турз» в печатных проспектах информировало своих клиентов, что автобус прибывает в отель «Спленидо» в Риме около шести часов вечера. Взглянув на часы, я увидел, что до указанного времени остается три минуты.

— Вы должны мне пятьсот лир, — сказал я Бешпо.

Водитель усмехнулся.

— В Неаполе посмотрим, — сказал он. — В Неаполе я выставлю вам счет больше чем на две тысячи.

Всю дорогу мы держали пари. У каждого была записная книжка, где мы вели счет часам и километрам, после чего определяли, кому выкладывать деньги. Как правило, последнее выпадало на мою долю независимо от того, кто выигрывал. Я был групповодом и получал больше чаевых.

Улыбаясь, я обернулся к своему стаду.

— Леди и джентльмены, — сказал я, — добро пожаловать в Рим, в город пап, императоров и христиан, бросаемых львам на растерзание, не говоря уже о кинозвездах.

Мои слова были встречены взрывом смеха. На заднем ряду кто-то заплодировал. Им нравятся такие приемы. Любое шутливое замечание групповода помогает наладить связь между ним и его подопечными. Как водитель, Бешпо, возможно, и отвечал за их безопасность в дороге. Я же в качестве гида, администратора, посредника и пастыря душ держал в своих руках их жизнь. Групповод

может сделать тур, а может и испортить его. Подобно хорошему дирижеру, он должен силой своей личности заставить всю команду петь в унисон, смирить слишком заносчивых, ободрить робких, договориться с молодыми, ублажить стариков.

Я встал со своего кресла и увидел, что из вращающихся дверей отеля навстречу нам спешат носильщики. Я наблюдал за тем, как мое стадо выходит из автобуса, словно сосиски из коптильной машины. Пятьдесят, все до единого, — от Ассизи до Рима мы не останавливались, поэтому пересчитывать по головам не было необходимости, и я повел их к стойке портье.

— «Саншайн Турз», Лига англо-американской дружбы, — сказал я.

Пожал руку портье. Мы были старыми знакомыми. Уже два года я работал на этом маршруте.

— Удачная поездка? — спросил он.

— Довольно удачная, — ответил я. — Вчера во Флоренции весь день шел снег.

— Чего же вы хотите, еще только март, — сказал он. — Вы, ребята, слишком рано открываете сезон.

— Скажите это в главной конторе в Генуе, — заметил я.

Все было в порядке. Разумеется, фирма зарезервировала нужное количество мест, и, поскольку сезон только начинался, руководство отеля разместило всю мою группу на третьем этаже. Все останутся довольны. Ближе к лету мы будем считать, что нам повезло, получив номера этаже на пятом, да к тому же в самом конце здания.

Портье наблюдал, как моя группа заполняет холл.

— Что вы нам привезли? — спросил он. — Священный союз?

— Не спрашивайте. — Я пожал плечами. — Они объединили силы во вторник, в Генуе. Что-то вроде клуба «Говяжьих туши» и «варвары». Ресторан, как всегда, в половине восьмого?

— Все накрыто, — ответил он. — Прогулочный автобус заказан на девять. Желаю повеселиться.

В нашем туристическом деле мы всегда даем клиентам особые кодовые названия. Англичане у нас «говяжьих туши», американцы — «варвары». Возможно, не слишком комплиментарно, зато выразительно и точно. Когда мы из Рима правили миром, эти люди ходили в звериных шкурах. Так что ничего оскорбительного.

Я обернулся, чтобы поприветствовать глав своей англо-американской группы.

— Всё отлично, — сказал я. — Всех разместили на третьем этаже. В каждом номере есть телефон. По любому вопросу звоните портье, и вас сразу со мной соединят. Обед в половине восьмого. Встретимся здесь. О'кей?

Теоретически с этого момента у меня был час и двадцать минут на то, чтобы найти свою берлогу, принять душ и свалиться на кровать. Но это редко удавалось. Не удалось и сегодня. Только я скинул пиджак, как зазвонил телефон.

— Мистер Фаббио?

— У телефона.

— Это миссис Тейлор. Полная катастрофа! В Перудже я оставила в отеле все пакеты с покупками из Флоренции.

Мне бы следовало об этом догадаться. В Генуе она оставила пальто, а в Сиене — калоши. И настояла, чтобы эти вещи, абсолютно ненужные южнее Рима, затребовали по телефону и переслали в Неаполь.

— Мне очень жаль, миссис Тейлор. Что было в пакетах?

— В основном бьющиеся предметы. Две картины... статуэтка микеланджеловского Давида... несколько пачек сигарет...

— Не беспокойтесь, я об этом позабочусь. Сейчас же позвоню в Перуджу и распоряжусь, чтобы пакеты переправили в нашу контору в Генуе, где вы их получите на обратном пути.

От того, насколько заняты администраторы, зависело, поручу ли я им позвонить в Перуджу, или мне самому

придется этим заняться. Лучше самому. В конце концов, сэкономлю время. Как только эта Тейлор к нам присоединилась, я сразу распознал в ней растеряху. Она вечно что-нибудь оставляла или роняла. Очки, шарфы, почтовые открытки все время вываливались из ее бездонной сумки. Чисто английский недостаток, видовой порок. В целом «говяжьки туши» доставляют мало хлопот, хотя из-за своей неумемной жажды солнца сторают они чаще, чем туристы других национальностей. В первый же день путешествия они наряжаются в хлопчатобумажные платья, ходят с голыми руками и ногами, отчего становятся красными, как черепичные крыши. И мне приходится сопровождать их в аптеку за всякими мазями и лосьонами.

Снова затрезвонил телефон. Но звонили не с коммутатора, чтобы соединить меня с Перуджей. Звонил один из «варваров». Естественно, опять женщина. Мужья никогда мне не докучают.

— Мистер Фаббио?

— Слушаю.

— Догадайтесь, кто. Мальчик!

Я мучительно напряг память. «Варвары» выкладывают всю историю своей жизни в первый же вечер в Генуе. Кто из них ждал первого внука у себя в Денвере, штат Колорадо? Миссис Хайрэм Блум.

— Мои поздравления, миссис Блум. Такое событие надо отметить.

— Знаю. Я так взволнована, что не соображаю, что делаю! — Восторженный возглас чуть не разорвал мне баранную перепонку. — Так вот, я хочу, чтобы вы и кое-кто еще встретились перед обедом со мною и мистером Блумом и выпили за здоровье малыша. Скажем, в четверть восьмого.

Это на полчаса сократит мое свободное время, а из Перуджи еще не звонили.

— Вы очень любезны, миссис Блум. Я буду. У вашей невестки все хорошо?

— Прекрасно. Просто прекрасно.

Чтобы она не вздумала читать мне телеграмму, я поспешил положить трубку. Во всяком случае, есть время побриться, а если повезет, то и принять душ.

Следует с осторожностью относиться к приглашениям клиентов. День рождения или годовщина свадьбы вполне законны, как и появление первого внука. Но не больше, иначе отношения могут осложниться, и вы рискуете испортить весь тур. Кроме того, когда дело касается выпивки, групповод обязан строго дозировать свою норму. Что бы ни случилось с его компанией, он должен оставаться трезвым. Водитель тоже. А это иногда бывает нелегко.

Еще не обсохнув после душа, я уладил дела с Перуджей и, с трудом натянув на себя чистую рубашку, спустился вниз проверить, как обстоят дела с заказом в ресторане. Два больших стола в центре зала, оба на двадцать пять персон, и посередине каждого — высившиеся над букетами цветов связанные друг с другом флаги обеих стран: «Звезды и полосы» и «Юнион Джек». Это нравится всегда и всем. Клиенты считают, что флаги придают особое настроение происходящему.

Пара слов метрдотелю с уверениями, что моя группа сядет за стол ровно в половине восьмого. Здесь любят, чтобы туристы принялись за десерт до того, как остальные клиенты начнут подходить к своим столикам. Для нас это тоже имело значение. Мы работали четко по расписанию и в девять часов должны были отбыть на экскурсию «По ночному Риму».

Последний раз сверить время — и в бар.

Их была небольшая горстка — собравшихся поднять тост за младенца Блума, но слышно их было уже из холла, где не принятые в компанию «говяжьки туши», холодные и надменные, сидели группами по два-три человека, уткнув лица в английские газеты. Оглушительные голоса варваров-экстравертов повергли в немоту англосаксов.

Миссис Блум, что твой фрегат под всеми парусами, двинулась мне навстречу.

— Ах, мистер Фаббио, вы не откажетесь от шампанского?

— Полбокала, миссис Блум. Только чтобы пожелать долголетия вашему внуку.

В счастье этой женщины было что-то трогательное. Вся ее персона излучала благодущие. Она взяла меня под руку и подвела к своей компании. Как любезны они были, боже милостивый, как любезны... В своей всеобъемлющей сердечности они были живым воплощением присущей «варварам» жажды любви. Задыхаясь, я подался назад. Но через мгновение устыдился самого себя, и волна всеобщего дружелюбия захлестнула меня.

В Генуе у меня хранилось немало подношений от соотечественников миссис Блум. Десятки рождественских открыток, писем, приветов... Помню ли я поездку двухлетней давности? Когда я навещу их в Штатах? Они часто обо мне думают. Они назвали своего младшего сына Армино. Искренность этих посланий вызывала у меня краску стыда. Я никогда не отвечал на них.

— Мне крайне неприятно нарушать ваш праздник, миссис Блум. Но уже почти половина восьмого.

— Как скажете, так и будет, мистер Фаббио. Вы хозяин.

В холле представители двух стран перемешались и на мгновение застряли: мужчины — поприветствовать новых знакомых, женщины — бросить оценивающий взгляд на платья друг друга. И вот мое стадо в пятьдесят голов, мыча и жужжа, направилось в ресторан. Я в роли скотника замыкал шествие.

При виде флагов раздались возгласы удовольствия. Какое-то мгновение я опасался, что мои подопечные разразятся национальными гимнами «Звездное знамя» и «Боже, храни королеву» — такое случалось, — но я вовремя поймал взгляд метрдотеля, и нам удалось усадить их прежде, чем это произошло. И вперед, к моему малень-

кому столику в углу. Один из «варваров»-одинок пристроился к углу длинного стола, откуда мог наблюдать за мной. Я его сразу вычислил, поскольку хорошо знаю людей этой породы. От групповода он ничего не добьется, и не исключено, что в Неаполе у меня будут с ним неприятности.

За обедом я обычно проверял счета. Так у меня было заведено. Мне не мешал шум голосов, стук тарелок. Если не заниматься подсчетами каждый день, то не сведешь концы с концами и не оберешься неприятностей в центральной конторе. Бухгалтерские дела меня не обременяли. Занимаясь ими, я отдыхал. Когда цифры были сведены, а тарелка убрана, я мог откинуться на спинку стула, допить вино и выкурить сигарету. То было время истинного отчета — но не в суммах, которые требовалось ежедневно отправлять в Геную, а в своих собственных мотивах и побуждениях. Сколько еще это будет продолжаться? Зачем я этим занимаюсь? Что гонит меня, словно отупевшего возникшего, на моем вечном бессмысленном пути?

«Нам за это платят, не так ли? — сказал как-то Беппо. — Мы зарабатываем неплохие деньги».

В Генуе у Беппо были жена и дети. Милан, Флоренция, Рим, Неаполь — для него все едино. Работа есть работа. После поездки — три дня выходных, дом, постель. Он был доволен. Никакой внутренний демон не нарушал его покоя, не задавал вопросов.

Невнятный говор, на фоне которого выделялись голоса «варваров», перерос в рев. Мое небольшое стадо гомонило во все горло. Сытые, убаженные, с языками, развязанными содержимым выпитых бокалов (неважно, что в них было налито), они на краткий миг освободились от забот и сомнений в ожидании того, что принесет ночь, — а что могла она принести, как не сон рядом с супругом или супругой после мимолетного осмотра старинных, чужих и непривычных им зданий, фальшиво подсвеченных ради их удовольствия и промелькнувших

за запотевшими от их дыхания окнами заказного автобуса. Каждый из них утратил свою индивидуальность. Они слились воедино, бежали от всего, что их сковывало и сдерживало, — но куда?

Надо мной склонился официант.

— Автобус ждет, — сказал он.

Без десяти девять. Время забирать пальто, шляпы, шарфы, пудрить носы. Лишь после того как я всех пересчитал и они вошли в автобус — была одна минута десятиго, — я сообразил, что насчитал только сорок восемь голов. Двух недоставало. Я справился у водителя, местного жителя, поскольку Беппо разрешалось провести этот вечер по своему усмотрению.

— Две синьоры вышли раньше других, — сказал он мне. — Они вместе пошли по улице.

Я оглянулся через плечо в сторону виа Венето. Отель «Сплендидо» находится на соседней улице, но с тротуара видны яркие огни, освещенные витрины магазинов и машины, текущие по направлению к порта Пинчана. Для большинства женщин это место предлагает гораздо больше соблазнов, чем Колизей, куда мы направлялись.

— Нет, — сказал водитель, показывая налево. — Они пошли вон туда.

Из-за здания на углу виа Сицилия показались две явно спешащие фигуры. Мне следовало бы сразу догадаться. Две вышедшие на пенсию школьные учительницы из Южного Лондона. Вечно обо всем расспрашивающие, вечно все критикующие, они были ярыми реформистками. Именно эта парочка заставила меня остановить автобус на пути в Сиену: они уверяли, что какой-то человек жестоко обращается со своим ослом. Именно они, увидев во Флоренции заблудившегося кота, вынудили меня потерять полчаса нашего драгоценного времени на поиски его дома. В Перудже мать, выговаривавшая ребенку, в свою очередь получила выговор от школьных учительниц. И вот теперь они, возмущенные и негодующие, с громким топотом подскочили ко мне:

— Мистер Фаббио... кто-то должен что-нибудь сделать. Там, за углом, на церковной паперти скорчилась старая женщина. Она очень больна.

Я с трудом сдержался. Римские церкви служат прибежищем для всех нищих, бродяг и пьяниц, которым придет охота развалиться на паперти, пока их не заберет полиция.

— Не волнуйтесь. В этом нет ничего необычного. Полиция о ней позаботится. А теперь, прошу вас, поспешите. Автобус ждет.

— Но это возмутительно. У нас в Англии...

Я твердо взял обеих женщин под руки и подвел к автобусу.

— Вы не в Англии, а в Риме. В городе императоров ослам, котам, детям и престарелым воздается по заслугам. Старухе повезло, что в наше время львам не скармливают всякие отбросы.

Учительницы все еще задыхались от негодования, когда автобус, свернув налево, проезжал мимо той самой церкви, где лежала женщина.

— Смотрите, мистер Фаббио! Смотрите!

Я покорно подтолкнул локтем водителя. Он понял и, чтобы мне было лучше видно, снизил скорость. Туристы, сидевшие справа, прильнули к окнам. Уличный фонарь рельефно освещал женскую фигуру. У меня, как и у каждого человека, бывают минуты, когда в памяти что-то включается и я испытываю ощущение, которое французы называют *deja vu*. Где-то, как-то, одному Богу известно когда, я уже видел эту склоненную позу, это бесформенное одеяние, эти скрещенные на коленях руки, голову, покрытую тяжелой шалью. Но не в Риме. Мое видение было не отсюда. Воспоминание детства, затуманенное прошедшими годами.

Когда автобус рванулся дальше, навстречу залитой светом прожекторов мечте каждого туриста, один из влюбленных на заднем ряду достал губную гармошку и заиграл «*Arivederci Roma*» — песню, давно приевшуюся

мне и водителю, но очень популярную среди «варваров» и «говяжьих туш».

Чуть позже полуночи мы вернулись к отелю «Сплендидо». Моя группа в пятьдесят голов, зевающая, потягивающаяся и, смею надеяться, довольная, по одному вышла из автобуса и прошла во вращающиеся двери отеля. К этому времени они уже были столь же индивидуальны, как автомобили массового производства, только что сошедшие с конвейера.

Я умирал от усталости и хотел лишь одного: поскорее оказаться в постели. Инструкции на завтра, последние наставления, благодарности, пожелания доброй ночи — и конец. Забытье на семь часов. Групповод может исчезнуть. Когда дверь лифта закрылась за последним, как мне показалось, из них, я вздохнул и закурил сигарету. Это было лучшее мгновение дня. Но из-за колонны, где он, должно быть, прятался, выступил одинокий «варвар» средних лет. Он покачивал бедрами, как делают все они при ходьбе, бессознательно отождествляя себя со своими цветными собратьями.

— Как насчет того, чтобы пропустить стаканчик в моем номере? — спросил он.

— Извините, — ответил я, — но это против правил.

— К черту правила, — заявил он. — Сейчас нерабочее время.

Он вразвалку подошел и, бросив взгляд через плечо, сунул мне в руку бумажку.

Я повернулся и вышел на улицу. Такое уже случалось, случится и еще. Мой отпор и вызванная им враждебность со стороны «варвара» станут фактором, с которым придется считаться на протяжении всего путешествия. Надо терпеть. Учивость, которой я был обязан своим работодателям в Генуе, не допускала жалоб. Но «Саншайн Турз» платила мне не за то, чтобы я утолял похоть или скрашивал одиночество клиентов.

Я дошел до конца квартала и на минуту остановился, впитывая холодный воздух. Мимо проехали две или три

машины и скрылись. С виа Венето за моей спиной доносился приглушенный шум невидимого транспорта. Я посмотрел в сторону церкви — на паперти по-прежнему лежала одинокая фигура.

Я бросил взгляд на бумажку, которую все еще держал в руке. Это была купюра в десять тысяч лир. Намек, подумал я, на будущие милости. Я перешел улицу и наклонился над спящей женщиной. От нее пахло винным перегаром, изношенной одеждой. Я нащупал спрятанную под шалью руку и вложил в нее деньги. Вдруг женщина пошевелилась. Подняла голову. У нее были орлиные черты лица, некогда большие глаза глубоко ввалились, пряди выбившихся из-под шали волос рассыпались по плечам. Наверное, она приехала издалека: при ней были две корзины с вином, хлебом и еще одной шалью. И вновь меня охватило ощущение близости прошлого, чувство, которое невозможно объяснить. Ее рука, теплая, несмотря на холодный воздух, задержалась на моей в бессознательном порыве благодарности. Ее губы шевельнулись.

Я отвернулся и, кажется, побежал. Назад, в отель «Сплендидо». Если она и позвала меня — а я мог поклясться, что позвала, — я не слышал, не хотел слышать. У нее есть десять тысяч лир, утром она найдет кров и пищу. У нее нет со мной ничего общего, а у меня с ней. Задрапированная фигура, склоненная, словно в погребальной молитве, — порождение моего воображения и не имеет никакого отношения к пьяной крестьянке. Во что бы то ни стало я должен заснуть. Должен быть бодрым к утру, к посещению собора Святого Петра, замка Святого Ангела...

У групповода, у возникшего нет времени. Нет времени.

Глава 2

Я проснулся словно от толчка. Кто-то назвал меня Бео? Я включил свет, встал с кровати, выпил стакан воды и посмотрел на часы. Два часа ночи. Я снова упал на кровать, но сон не шел ко мне. Голая, безликая спальня отеля, моя одежда, брошенная на стул, расчетная книга и план маршрута на столе были частью моего повседневного существования и принадлежали миру совсем другому, а не тому, в который меня неосторожно завлекло мое погруженное в сон сознание. Бео... Благословенный. Детское имя, которое мои родители и Марта дали мне, скорее всего, потому, что я был последним ребенком, последним прибавлением в семейном кругу: между мной и моим старшим братом Альдо разница в восемь лет.

Бео!.. Бео!.. Этот возглас все еще звучал у меня в ушах, и я не мог избавиться от страха, от чувства непонятной угнетенности. Во сне я был уже не групповодом, а странником во времени: рука об руку с Альдо стоял я в приделе церкви Сан-Чиприано в Руффано, не сводя глаз с алтарного образа. На картине было изображено воскресение Лазаря. Из зияющей могилы вставала фигура мертвеца, запеленутая в страшный саван — вся, за исключением лица, с которого бинты спали, открыв ожившие глаза, с ужасом устремленные на Господа. Стоявший в профиль Христос звал его мановением пальца. Перед могилой в мольбе и отчаянии лежала женщина, скрытая тяжелыми складками одежды, — предположительно Мария из

Вифании, которая поклонялась своему Учителю и которую часто путают с Марией Магдалиной. Но в моем детском воображении она походила на Марту. На Марту, мою няню, которая каждый день меня кормила, одевала, сажала на колени, качала на руках и называла меня Бео.

Алтарный образ преследовал меня по ночам, и Альдо знал это. Когда по воскресеньям и праздникам, сопровождая родителей и Марту к мессе, мы шли не в собор, а в приходскую церковь Сан-Чиприано, то почти всегда стояли в левом нефе. Наши отец и мать, как, впрочем, и все родители, не замечая страхов, которые преследуют их ребенка, никогда не смотрели в нашу сторону и не видели, что брат, схватив меня за руку, заставляет все ближе подходить к распахнутым воротам придела, пока мне не останется ничего другого, как поднять голову и глядеть во все глаза.

— Когда мы придем домой, — шептал Альдо, — я одену тебя Лазарем, а сам буду Христом и призову тебя.

Это было хуже всего. Гораздо страшнее самого алтарного образа. Из груды грязного белья, которое Марта приготовила к стирке, Альдо вытаскивал измятую ночную рубашку нашего отца и натягивал ее мне на голову. Для моего утонченного ума это было унижительно, а мой маленький желудок выворачивало от сознания, что я завернут в ношенные одежды взрослого. Меня начинало тошнить, но противиться не было времени. Меня бросали в кладовку под лестницей и закрывали дверь. Как ни странно, но против этого я не возражал. Кладовка была просторной, а на сколоченных из реек полках лежало чистое, свежее белье, пахнущее лавандой. Здесь почивала безопасность. Но не долго. Поворачивалась ручка. Дверь тихо отворялась, и звучал голос Альдо: «Лазарь, выходи!»

Столь велик был мой страх и дух столь привычен исполнять команды брата, что я не осмеливался высказы-

вать неповиновение. Я выходил, и самым ужасным для меня было то, что я никогда не знал, кого встречу — Христа или дьявола. Согласно оригинальной теории Альдо, они были едины и к тому же (он так и не объяснил почему) равнозначны.

Поэтому иногда мой брат, облачаясь в простыню и держа в руках трость вместо посоха, представлял Христом и встречал меня с улыбкой, кормил сладостями, был добр и ласков; иногда, одетый в черную рубашку фашистской молодежной организации, членом которой состоял, вооруженный кухонной вилкой, изображал дьявола и принимался тыкать в меня своим орудием. Я не понимал, чем бедный, воскрешенный из мертвых Лазарь заслужил такую ненависть дьявола и почему его друг Христос так бесчестно его бросил. Но Альдо никогда не терялся, он объяснил мне, что между Богом и Сатаной идет бесконечная игра: они делают ставки на души, совсем как люди в наших руффанских кафе бросают кости. Неутешительная философия.

Затягиваясь сигаретой на кровати в отеле «Сплендидо», я недоумевал: что заставило меня перенестись в тот кошмарный мир, где Альдо был моим властелином? Я выпил за здоровье новорожденного «варвара», и, наверное, моя неуправляемая память перепутала его со мною самим, с робким Бео из ушедшего в небытие мира; и когда я увидел лежащую на ступенях церкви женщину, во мне с прежней силой ожило видение алтарного образа в Сан-Чиприано — любившая и Лазаря, и Христа Мария, распростертая перед отверстой могилой. Но если в этом и заключалось объяснение, то оно не удовлетворяло меня.

Вскоре я снова заснул, но лишь затем, чтобы погрузиться в еще больший кошмар. Алтарный образ обрел связь с другой картиной, на сей раз из герцогского дворца в Руффано, где наш отец занимал почетный по тем временам пост главного хранителя. Портрет, который ви-

сел в бывшей герцогской спальне и всеми любителями искусства почитался шедевром, был написан в начале пятнадцатого века одним из учеников Пьеро делла Франческа на сюжет Искушения. Он изображал Христа, стоящего на вершине храма. Фантазия художника сделала фон портрета похожим на одну из парных башен герцогского дворца — самая примечательная архитектурная деталь фасада; они гордо высились над Руффано. Более того, лицу Христа, смотрящего с портрета на горы за окном комнаты, дерзновенный художник придал сходство с Клаудио, безумным герцогом по прозвищу Сокол, который в безрассудном порыве бросился с башни, уверовав, как гласит легенда, в то, что он Сын Божий.

Много веков картина пролежала в кладовых дворца, пока, уже после Рисорджименто, ее не обнаружили во время реконструкции здания. С тех пор она украшала или, как ворчали некоторые возмущенные обитатели Руффано, оскверняла герцогские апартаменты. Эта картина, как и алтарный образ в Сан-Чиприано, потрясала и в то же время зачаровывала меня, о чем Альдо отлично знал. Иногда он силой заставлял меня, без ведома отца, вместе с ним подниматься по ветхой винтовой лестнице башни и, открыв старинную дверь, ведущую прямо на верхнюю площадку, со сверхъестественной, как мне тогда казалось, силой поднимал меня на балюстраду.

— Вот здесь и стоял Сокол, — говорил Альдо. — И здесь его искушал дьявол. «Если ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею».

Далеко внизу лежал Руффано, пьядца дель Меркато. Люди, машины, повозки, как муравьи, копошились на пыльной равнине. Не знаю, сколько лет мне тогда было. Наверное, пять или шесть.

— Сказать тебе, что сделал Сокол? — спрашивал Альдо.

— Нет, — молил я, — нет...

— Он распростер руки и полетел. Он стал птицей. И его руки были крыльями. Он парил над крышами своего города, и люди, как зачарованные, не сводили с него глаз.

— Это неправда! — крикнул я. — Он не мог полететь. Он не был птицей, не был соколом. Он был человеком и упал. Мне папа говорил.

— Он был соколом, — настаивал Альдо. — Он был соколом и полетел.

Во сне запомнившаяся мне страшная сцена повторялась вновь и вновь. Я цеплялся за балюстраду, Альдо стоял за мной. Затем с силой, несравненно большей, чем та, какой я обладал в детстве, я отпрянул назад, вырвался из его рук и побежал вниз по винтовой лестнице туда, где меня ждала Марта. Она звала меня: «Бео!.. Бео!..» Ее руки были раскрыты, и она крепко обняла меня, даря ласку и утешение. Но откуда в мой сон вошел запах старой, изношенной одежды? Дешевого вина?

На этот раз, проснувшись, я почувствовал, что сердце бешено колотится у меня в груди и что я весь покрыт потом. Кошмар был слишком реален, слишком ярок, чтобы рисковать третьей с ним встречей. Я зажег свет, сел в кровати, вынул записную книжку и занялся подсчетами, пока меня не сморило от усталости. Я задремал и спал без сновидений до семи утра, когда меня разбудил стук в дверь, возвестивший о приходе официанта с булочками и кофе.

День начался по обычному распорядку. Ночь со всеми ее ужасами осталась где-то позади. Как всегда, начал звонить телефон, и через какие-то десять минут я с головой ушел в организационные мелочи предстоящих часов: планы тех, кто желал провести утро в магазинах и присоединиться к остальным за ленчем; планы тех, кто жаждал увидеть собор Святого Петра, но не хотел бродить взад-вперед по длинным галереям Ватикана.

Вниз, к автобусу и ожидавшему нас Беппо, который, в отличие от меня, провел вечер в тепле и уюте своей любимой траттории.

— А знаете, — сказал он, — нам стоит поменяться местами. Вы поведете автобус, а я буду крутить шашни с клиентами.

Это был намек на мой вид, на мое измученное бессонной ночью лицо. Я сказал, что согласен на его предложение.

Когда наше отдохнувшее стадо разместилось в автобусе, с нетерпением ожидая «Дневного Рима», готового показать им все свои красоты, я заметил, что одинокий «варвар», страждавший моего сочувствия, демонстративно меня не замечает.

Наша колесница свернула налево и проехала мимо той самой церкви, которая, непостижимым образом слившись с Сан-Чиприано, превратила мой ночной сон в кошмар. Паперть была пуста, крестьянка исчезла. Я надеялся, что она уже потворствует своим слабостям и вновь разжигает внутренний огонь теми десятью тысячами лир, что я ей дал. Бывшие учительницы к этому времени успели забыть о ее существовании. Они листали путеводитель и перечисляли соседям, что из содержимого виллы Боргезе — первая остановка — нельзя обойти вниманием. Я несколько не удивился, когда через двадцать минут увидел, как они торопятся пройти мимо совершенно пристойных статуй, чтобы жадно впиться глазами в нагло развалившегося гермафродита.

Все дальше и дальше, вниз к пьядца дель Пополо, через Тибр к замку Святого Ангела, оттуда к собору Святого Петра и Ватикану. Затем, слава богу, ленч.

Беппо, умный малый, съедал свой ленч в автобусе, там же читал газеты, спал. Ну а я, как всегда, играл роль дирижера, и в ресторане неподалеку от собора Святого Петра мне было не до отдыха. Миссис Тейлор уже потеряла зонтик, оставила, как ей казалось, в гардеробе Вати-

кана. Не буду ли я любезен как можно скорее им заняться? В два часа мы должны были выехать на осмотр терм Каракаллы, затем вернуться к Форуму и несколько часов провести в его развалинах. Здесь я обычно отпускал вожжи и предоставлял своих подопечных самим себе.

В тот день все вышло иначе. Я разыскал потерянный зонт и переходил виа делла Кончилацоне, когда заметил, что несколько человек меня опередили и обступили Беппо, который вслух читал какую-то газетную заметку. Он подмигнул мне, наслаждаясь ролью переводчика. У его слушателей был потрясенный вид. В автобусе я увидел двух учительниц, и во мне проснулись дурные предчувствия.

— Чем вы так взволнованы? — спросил я Беппо.

— Убийство на виа Сицилия, — сказал Беппо, — в сотне ярдов от отеля «Сплендидо». Эти дамы заявляют, что видели жертву.

Более голосистая из них с негодующим видом повернулась ко мне:

— Та бедная старая женщина, должно быть, это она. Водитель говорит, что ее нашли заколотой на паперти в пять часов утра. Мы могли бы ее спасти. Это ужасно, я просто слов не нахожу.

Я был так потрясен, что не мог вымолвить ни слова. Мой апломб как рукой сняло. Я вырвал газету из рук Беппо и стал читать. Заметка была короткой.

«В пять часов утра на паперти церкви на виа Сицилия было найдено тело убитой женщины. Она была заколота ножом. По внешности потерпевшая походила на бродягу с явными признаками опьянения. При ней обнаружено несколько мелких монет, в связи с чем случившееся, скорее всего, следует рассматривать как немотивированное убийство. Полиция разыскивает всех, кто видел эту женщину или заметил вблизи церкви что-либо необычное и может оказать помощь в расследовании преступления».

Я вернул газету Беппо. Группа ждала моей реакции.

— Очень прискорбно, — сказал я, — но, боюсь, не столь уж необычно. Убийства случаются в любом городе. Остается надеяться, что преступника скоро схватят.

— Но мы ее видели! — возмутилась учительница. — В девять часов вечера Хильда и я пытались поговорить с ней. Тогда она не была мертва. Она спала и тяжело дышала. Вы видели ее из автобуса, когда мы проезжали мимо. Все ее видели. Я хотела, чтобы вы что-нибудь тогда сделали.

Беппо поймал мой взгляд и пожал плечами. Затем послушно направился к автобусу и забрался на свое сиденье. Разбираться — мое, а не его дело.

— Мадам, — сказал я, — я не хочу показаться бесщедрым, но нас это не касается. Мы и тогда мало что могли сделать для этой женщины. А сейчас — и того меньше. Этим займется полиция. А теперь... мы уже и так выбились из расписания...

Мнения разделились. Остальные члены группы успели присоединиться к нам и спрашивали, что случилось. Прохожие останавливались и главели на нас.

— В автобус, — твердо сказал я. — Прошу всех в автобус. Мы задерживаем движение.

Даже когда все заняли свои места, возбуждение не улеглось. «Варвары», избравшие своим спикером мистера Хайрэма Блума, придерживались мнения, что вмешательство в чужие дела до добра не доводит. Того и гляди нарвешься на оскорбления. Англосаксы, и прежде всего две учительницы из Южного Лондона, пылали праведным гневом. Умерла женщина, умерла на церковной паперти в нескольких сотнях ярдов от папского города Ватикана, в пределах слышимости британских туристов, спавших в отеле «Сплендидо», и, если римская полиция не умеет работать, самое время, чтобы лондонский бобби преподал им урок.

— Так что? — шепнул Беппо мне на ухо. — Полицейский участок или Термы Каракаллы?

Беппо повезло, он не был в этом замешан. Иное дело я. «Немотивированное убийство» — писала газета, не располагавшая фактами. Женщину убили не из-за нескольких мелких монет, а из-за десяти тысяч лир, которые я вложил ей в руку. Все крайне просто. Такой же, как и она, бродяга с пустым желудком наткнулся на нее ночью, прикарманил деньги, возможно, разбудил ее и, испугавшись, заставил умолкнуть навсегда. Наши мелкие преступники не питают особого уважения к человеческой жизни. Кто прольет слезу над бродягой, да к тому же и пьяницей? Рукой зажать рот, быстрый удар — и прочь.

— Я настаиваю, — с истерическими нотками в голосе заявила учительница, — что надо заявить в полицию. Мой долг рассказать все, что мне известно. Возможно, для них будет бесполезно узнать, что мы видели ее на паперти в девять часов. Если мистер Фаббио отказывается идти со мной, я пойду одна.

Мистер Блум дотронулся до моего плеча.

— Что за этим последует? — спросил он вполголоса. — Какие-нибудь неприятности для остальных членов группы? Или вы сделаете обычное формальное заявление от имени одной из этих дам и тем все ограничится?

— Не знаю, — ответил я. — Когда полицейские начинают задавать вопросы, ни в чем нельзя быть уверенным.

Я велел Беппо ехать дальше. Голоса тех, кто придерживался иного мнения, всколыхнулись и замерли у меня за спиной. Надо было принимать какое-то решение. Одно неосторожное движение — и гармония моего стада нарушится, ее сменит дух недоброжелательства и озлобленности, губительный для всякого тура.

Я достал блокнот и протянул мистеру Блуму пачку билетов.

— Будьте добры, возьмите на себя руководство группой в Термах Каракаллы и на Форуме. Там есть гиды, говорящие по-английски. Если возникнут трудности, Беппо сможет перевести. В половине пятого мы должны быть

в Английской чайной на пьядца ди Спанья. Там я с вами встречусь.

Учительница наклонилась вперед.

— Что вы намерены делать? — требовательным тоном осведомилась она.

Отступить было некуда. Я попросил Беппо высадить нас у первой же стоянки такси. Две самаритянки и я проводили взглядом автобус, отправлявшийся к Термам Каракаллы. Редко я так сожалел о расставании со своей паствой. По дороге в Главное полицейское управление мои спутницы были на удивление молчаливы. Они не ожидали столь быстрого осуществления своих планов.

— Полицейские будут говорить по-английски? — спросила более нервная из двух женщин.

— Сомневаюсь, мадам, — ответил я. — Неужели вы полагаете, что ваши полицейские говорят по-итальянски?

Они переглянулись. Я почувствовал холодную враждебность, приковавшую обеих женщин к их местам. А также откровенное недоверие к римскому праву. В любом городе Главное полицейское управление не вызывает приятных чувств, но мне наша миссия была куда более не по душе, чем моим спутницам, которые могли рассматривать ее как лишнюю возможность обогатить свой туристический опыт. При виде формы мне всегда хочется убежать. Топот ног, краткие слова команды, холодный изучающий взгляд вызывают у меня тяжелые ассоциации. Они напоминают мне юность.

Доехав до места, мы вышли из машины, и я попросил шофера подождать, предупредив, что мы можем отсутствовать довольно долго. При этом я говорил нарочито громко и четко, чтобы мои спутницы поняли смысл моих слов.

Наши шаги глухо раздавались во дворе Главного полицейского управления. Из справочного бюро нас провели в приемную, из приемной — в кабинет. Дежурный офицер спросил наши имена, адреса и осведомился о характере нашего дела. Когда я сообщил ему, что две англи-

чанки желают предоставить информацию относительно женщины, убитой прошлой ночью на паперти церкви на виа Сицилия, он пристально посмотрел на нас. В воздухе явно чувствовалась напряженность. Затем он позволил и отдал короткое распоряжение человеку, явившемуся на его зов. Через мгновение в комнату вошли еще два офицера. Появились блокноты. Теперь все трое внимательно разглядывали поникших учительниц. Я объяснил сидевшему за столом полицейскому, что ни одна из них не говорит по-итальянски, что они английские туристки, а я — групповод от «Саншайн Турз».

— Если вы располагаете какой-нибудь информацией, относящейся ко вчерашнему убийству, то я вас слушаю. Мы не можем тратить время по пустякам.

Старшая по возрасту англичанка начала говорить, делая паузы между предложениями, чтобы я успевал переводить. В ее несколько бессвязном рассказе я по своему усмотрению делал купюры. Замечание о том, что, по ее мнению, равно как и по мнению ее подруги, просто возмутительно, что в наше время в Риме нет больницы или приюта, куда могла бы обратиться умирающая от голода женщина, едва ли представляло интерес для полиции.

— Вы прикасались к этой женщине? — спросил полицейский.

— Да, — ответила школьная учительница. — Я до нее дотронулась и обратилась к ней. Она что-то пробормотала в ответ. Я и моя подруга чувствовали, что она, должно быть, больна. Мы поспешили в автобус и попросили мистера Фаббио что-нибудь сделать. Он сказал, что это не наше дело и что мы задерживаем автобус.

Полицейский вопросительно посмотрел на меня. Я ответил, что это правда. И что на часах было начало десятитого.

— Возвращаясь после экскурсии, вы не заметили, была ли женщина по-прежнему на паперти или нет?

— Боюсь, что не заметили. Автобус ехал по другой дороге, и мы все очень устали.

— И вы больше не возвращались к этой теме?

— Нет. Правда, мы вспомнили о ней, когда раздевались перед сном. Мы говорили, что со стороны мистера Фаббио просто возмутительно, что он не вызвал «скорую помощь» и даже не сообщил в полицию.

Полицейский снова посмотрел в мою сторону. Мне показалось, что в его взгляде мелькнуло сочувствие.

— Пожалуйста, поблагодарите этих дам за то, что они пришли к нам, — сказал он. — Их показания весьма полезны. Для отчетности я должен их побеспокоить и, если они могут это сделать, попросить подтвердить принадлежность одежды убитой женщине.

Этого я не ожидал. Не ожидали и учительницы. Они побледнели.

— Это необходимо? — запинаясь спросила младшая.

— Похоже, что да, — ответил я.

В сопровождении одного из полицейских мы прошли по коридору в небольшое помещение. К нам подошел служитель в белом халате. После немногословного объяснения он зашел в соседнюю комнату и вынес оттуда узел с одеждой и две корзины. Мои англичанки побледнели еще больше.

— Да, — поспешно проговорила старшая и отвернулась. — Да, я уверена, что это те самые вещи. Как все это ужасно...

Служитель, проявляя в своем служебном рвении ненасытность вампира, спросил, не желают ли дамы увидеть тело.

— Нет, — ответил я, — этого от них не требуется. Однако для пользы расследования я могу сделать это за них.

Сопровождавший нас полицейский пожал плечами. Мне решать. Учительницы не догадывались, о чем идет речь. Следом за служителем я вошел в морг. Влекомый каким-то болезненно-волнующим чувством, я, словно

завороженный, подошел к столу, на котором лежало тело. Служитель откинул простыню, и я увидел лицо. Оно было благородно в своем мертвенном покое и моложе, чем казалось ночью. Я отвернулся.

— Благодарю вас, — сказал я служителю.

Вернувшись в комнату для собеседования, я сообщил старшему офицеру, что женщины опознали одежду. Он еще раз поблагодарил меня.

— Надеюсь, — сказал я, — что эти дамы больше не понадобятся. Завтра днем мы выезжаем в Неаполь.

Полицейский с серьезным видом занес мои слова в отчет.

— Не думаю, — сказал он, — что нам снова понадобится их присутствие. У нас есть их фамилии и адреса. Желаю вам и им приятного продолжения тура.

Я мог бы поклясться, что, поклонившись учительницам, он подмигнул, но не им, а мне.

— У вас есть какой-нибудь ключ к установлению личности убитой?

Он пожал плечами:

— Вы же знаете, в город приходят сотни таких, как она. При ней не найдено ничего ценного. Убийцей мог быть такой же бродяга. Мотивом — месть. Или вор. Мы его поймаем.

Нас отпустили. Миновав двор, мы подошли к такси. Я помог моим дамам сесть в машину.

— Английская чайная, — сказал я водителю.

Я взглянул на часы. Время было рассчитано правильно. До подхода остальной группы мои учительницы могли спокойно посидеть за чашкой чая. Когда мы прибыли на место, я расплатился с шофером, проводил женщин в Английскую чайную и усадил за столик в углу.

— А теперь, — сказал я, — вы можете расслабиться.

Единственным ответом на мою дежурную улыбку послужили натянутые кивки.

Я вышел из чайной и направился по виа Кондотти в сторону бара. Мне было необходимо выпить. Перед моими глазами стояли заостренные смертью орлиные черты убитой женщины. Убитой из-за того, что я вложил ей в руку десять тысяч лир.

Теперь я был уверен, что не ошибся. Прошлой ночью она узнала меня и назвала Бео, когда я бежал через улицу. Я не видел ее больше двадцати лет, но это была Марта.

Дюморье Д.

Д 96 Полет Сокола : роман / Дафна Дюморье ; пер. с англ. Н. Тихонова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 352 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-15008-9

В романе «Полет Сокола» (1965) Дафна Дюморье обращается к вечной теме борьбы добра и зла в человеческой душе, теме памяти и самопознания. Действие происходит в Италии. Однажды в Риме Армино Фаббио, экскурсовод из турагентства, видит на церковной паперти пожилую крестьянку и неожиданно понимает, что когда-то, в далеком прошлом, он уже встречал ее. На следующий день становится известно, что ночью женщина была заколота ножом. Эта история явилась лишь первым звеном в целой цепи трагических событий и заставила Армино, бросив дела, отправиться в Руффано, город его детства...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДАФНА ДЮМОРЬЕ
ПОЛЕТ СОКОЛА

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Ирина Сологуб, Нина Тюрина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 28.06.2018. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 15,5. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-VAK-23376-01-R